

Патриарх русской сцены — так мы величаем прославленных старейших актеров и режиссеров. С полным основанием этот титул можно адресовать и рабочему сцене Алексею Ивановичу Пудовкину. В будущем году Астраханскому областному драматическому театру имени С. М. Кирова исполнится 175 лет. Восемьдесят один год из этих ста семидесяти пяти хозяйничает на его сцене Алексей Иванович. Вдумайтесь в это число: скоро столетие, как этот человек предан одному-единственному театру!

— «Веселая вдова», «Принцесса цирка», «Девичий перелом», — Алексей Иванович с улыбкой смотрит на заставленный огромными ящиками двор театра. — Названия-то какие легкие, а декораций аж четыре вагона... — Вместе с рабочими Ал-

тел. Вот-вот должен был начаться спектакль «Дон Хиль — зеленые штаны». Рабочие спускали с колосников на яревах декорацию, а она возьми да застрянь. Я подставил лестницу и полез освобождать декорацию. Добрался, стал тянуть вниз. А в это время у рабочих сорвалась какая-то труба с колосников и бац мне по пальцам. Вот я и загремел на сцену метров с двенадцати. Разбился. Полтора года провалялся в постели, оклемался.

— Смешные истории тоже наверняка были, Алексей Иванович!

— Как не бывать. Сцена у нас вращающаяся. Когда идет сложный, со множеством эпизодов спектакль, она усыпана декорациями, как сотами: там комната, тут — кусок улицы, здесь — ресторан, там баня. Надо сменять постановку, а попробуй разберись в темноте. И, конеч-

но, любопытное дополнение: «Областной отдел по делам искусств при Облсовете депутатов трудящихся награждает грамотой Пудовкина А. И. за лучшие производственные показатели в пьесе «Ленин» в 1918 году».

Более древний экспонат — газета «Астраханский листок» за 1914 год. «Объявление. Замкий театр Плотникова. Дирекция П. П. Струйского. В воскресенье, 19 января, «Ревность», Драма в 5 д. Вечером «Кама грядеши?» драма по роману Г. Сенкевича. Начало в 8½ ч. веч.»

— Я хорошо знал Плотникова, владельца театра, и Струйского, антрепренера. В то время нас заставляли работать в белых перчатках, чтобы мебель не запачкаться.

Пудовкины жили до революции трудно, хлеба в доме почти не бывало, выручал «камарчук». Продукт этот представлял собой вот что. По весне Пудовкины, как и другие бедняки, отправлялись в степь собирать верблюжью колючку. Натаскают и сваливают на брезент, пусть сохнет. Как высохнет, палками бьют колючку. Семечки и вылищиваются. Соберут их, провеют, разотрут на ручном жернове и делают из этой массы тесто, а из него пекили лепешки, клейкие, невкусные, но другого хлеба все равно не было... Окончив три класса начальной школы, 11-летний Алеша пошел в подручные к отцу, столяру-плотнику, который служил у того самого Плотникова. Хозяин не только держал драмтеатр, он был «по совместительству» городским головой и имел несколько доходных домов, которые отец и ремонтировал. Юный Пудовкин попал на глаза управляющему Плотникова, тот пожа-

Пудовкина стал машинистом сцены, бригадиром. Перед Великой Отечественной войной в его распоряжении уже было 12 рабочих. Работа у монтажников, как называют рабочих сцены, не только точная и ответственная, но и тяжелая. И самое тяжелое устанавливают на станках — громоздкие конструкции, в основном из металла. Перестановка декораций идет всего минуточку-две. В «Сирано де Бержераке», к примеру, одних станков двадцать восемь! Каждый акт — перестановка, все станки убираются и на их место ставятся новые, а на них — декорации: ограды, решетки, стены дома... Или в «Воскресении» — целых шестнадцать громоздких колонн.

Много забот у монтажника, многое он должен уметь. Собрать декорацию по чертежам, установить ее, а затем убрать, сохранить, в случае надобности починить. Рабочий день у него начинается в 9 утра, когда ставится декорация для репетиции или часть ее — выгородка, как говорят в театре. С 17.00 монтируются декорации для вечернего спектакля. А когда спектакль идет, рабочие за кулисами готовят смены декораций. Лишь дадут затемнение, сразу высканивают на сцену и, как говорится, «шуруют».

Когда началась война, у Пудовкина призвали на фронт всю его команду, оставили лишь одного дряхлого старичка-помощника. Вот тогда пришлось Алексею Ивановичу покрутиться! Сейчас у него в бригаде восемь человек.

— Кто их учит? Сам натаскиваю. Как в 1931 году съездил в Москву на первые курсы машинистов сцены, организованные Наркомпросом, так с тех пор и читаю тех-

ВОКРУГ

80 ЛЕТ СЦЕНЕ

тайского театра оперетты, приехавшего в Астрахань на гастроли, он освобождает «карман» (помещение рядом со сценой) от своих декораций, чтобы разместить там реквизит гостей. Ему знакома каждая из сотни хранящихся в «кармане» вещей. Вот старый самовар — это из «Леса» Островского. А вот станок, как называют в театре различные подмости, на станке установлен замок для шиллеровских «Разбойников». А кресло-качалка откуда? Из «Восьми любящих женщин», на нем передвигается большая героиня...

— Все предметы помню, откуда они и зачем, — подтверждает Пудовкин. — Но вот что интересно: когда смотрю хорошую пьесу, забываю, что это декорации, потому что увлекаюсь игрой актеров. Наверное, так и следует. Декорации должны работать на актеров. И в то же время... Я поясню говорю? — Он достает из кармана куртки сложенный вдвое журнал «Театр». — Вот здесь здорово выразил мою мысль один художник: «Красноречивее самых изощренных форм может быть простой предмет, если он причастен к жизни героя. Можно не видеть всю декорацию целиком, но когда человек на сцене зажигает спичку и подносит ее к глазам, когда бредет среди темноты с лампой в руках, когда свет рисует одинокую фигуру, прислонившуюся к двери, то эти спичка, лампа, дверь — уже приметы мира, уже неопровержимые свидетельства соприкосновения с этим миром человека...» Верно сказано! Горжусь своей профессией и всегда испытываю необъяснимое нетерпение, готовя сцену к очередному спектаклю, словно мне самому играть.

Алексей Иванович ведет меня на затемненную сцену. Там рабочие монтируют для репетиции стену, на полу разложена падуга — полотно одного цвета с кулисами, которое будет потолком и перекрытием; разбросаны тонкие трубы-штаны, на которых поднимают разные предметы — занавес и комнаты, часовни и крепостные бастионы. Вверху, на колосниках, копошатся какие-то тени. Глядя на них, вспоминаю, сколько есть веселых баек, где фигурируют колосники: во время спектакля оттуда падают в самое неподходящее время валенки или рукавицы. Словно прочитав мои мысли, Пудовкин улыбается: «Я сам как-то оттуда поле-

но, мы, рабочие, нередко попадаем не туда, куда надо: к радости зрителей круг выносит нас на сцену. В такое же положение попадают и актеры, запутавшиеся в дверях или окнах. Кан-то приехали мы на гастроли в Запорожье. Давали сначала «Свадьбу с приданым», а на следующий день — «Ревизора». Отыграли «Свадьбу», готовимся к «Ревизору»; рабочие привезли со склада ящики с костюмами, но один забыли. Тот, где была одежда для Бобчинского и Добчинского. Что делать? А им уж на сцену пора выходить! Стали собирать с миру по нитке, со всей труппы: кто башмаки дал, кто — брюки, кто — сорочку, кое-как приодели бедолаг...

Закончив работу, «хозяин сцены» приглашает меня и себе в гости. Живет он рядом с театром, в безлифтовой пятиэтажке. На четвертый этаж (67 ступенек) поднимается легко, без одышки. И это в 94 года! Жены, Руфины Петровны, дома еще не было, и нас встречал только щеноч фокстерьер Юнька. Алексей Иванович вскипятил чай, достал варенье, а потом начал извлекать из комода папки с бумагами, фотографиями, программки. Показал свои награды, четыре медали: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовое отличие», ленинскую юбилейную и ветерана труда «За многолетний и добросовестный труд», знак Министерства культуры СССР «За отличную работу». Огромную пачку почетных грамот, среди них — Президиума Верховного Совета РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, за шефскую работу среди воинов... «13-летним парнишкой вы пришли в эти таинства открытые стены Астраханского драмтеатра, чтобы познать жизнь людей искусства. И вот на протяжении 50 лет вы честно и добросовестно делаете свое нелегкое, но так нужное нам дело. Каждый гвоздик, каждый листик, каждая деталь декорации прошли за эти долгие годы через ваши искусные руки». Подписи всей труппы театра. «Ваше честное отношение к труду всегда служит примером для молодежи. Комсомольцы Астрахани».

На фотографиях — сцены из спектаклей. Оперетта «Холопка» (постановка 1924 года). «Собор Парижской Богоматери» — 1928 года. «Аида» — 1935 год, «Фауст», «Маскарад» — 1937 год. А вот программа с автографом режиссера Смирнова, который поставил в 1939 году спектакль «Ленин в 1918 году». Рядом — до-

лел: «Хлипкий ты больно, несподручно тебе на улице работать. Иди в театр, там теплее». Там мальчишкой в 1904 году Пудовкин попал в театр. Алексея, который уже многому научился у отца, определили мебельщиком. Делал декорации, вырезал, поднимал, строил, латал. Было приятно работать. Не только потому, что ему положили 8 рублей зарплату; он любил театр. Еще совсем маленьким ходил со старшими в дом общественного собрания, где была сцена, посмотрел спектакль и влюбился в театр наяви. Контролеры знали, что отец его работает на Плотникова, и пропускнули на галерку... Умелого и прилежного мебельщика перевели в театре; в марте, когда театр сворачивался, снова шел помогать отцу. А с наступлением летнего сезона подрабатывал на открытых сценах «Аркадин» и «Луна-парня».

Потом началась первая мировая война. Пудовкина призвали в армию, но поехать ему не пришлось: попал в запасной пехотный полк. Октябрь встретил в Саратов. В 1918 году вернулся в родную Астрахань — и сразу в театр. Плотников и антрепренер сбежали, труппа распалась. Кое-какие новые городские организации собрали имущество театра и актеров. Стали ставить «Лес», «Идиот», первые советские пьесы.

В Астрахань приехал Сергей Миронович Киров. Встретился с труппой, посоветовал сыграть «Врагов» Горького — эта идея е радостью была принята. Сергей Миронович выступал в театре несколько раз перед астраханцами, и каждый раз сцену готовил Алексей Иванович. Развешивал кулисы, ставил стол с красной снатьерью и стулья. Особенно запомнилась встреча Сергея Мироновича с рыбаками. Говорил он просто, понятно, убедительно, и зал горячо аплодировал ему.

Пудовкину довелось видеть многих замечательных артистов. Он подготавливал сцену для выступлений Леонида Витальевича Собинова, Григория Ивановича Пирогова, Веры Николаевны Пашенной, Клавдии Ивановны Шульженко (еще до войны)... С восторгом вспоминает он концерт Шалапина в 1910 году.

— Федор Иванович рывкнул мне на сцене: «Подвиги рояля сюда!», я струсил изрядно. Зал был переполнен, городская знать разместилась на стульях прямо на сцене, вокруг Шалапина. Толпы запрудили всю улицу перед театром.

минимум для новичков. Несколько десятков машинистов уже подготовил. А любительные те московские курсы были. Я не только сам учился, но и учил преподавателей. Допустим, спрашивают нас, как определить, какой тяжести декорацию сможет выдержать веревка. Отвечаю: метод у меня простой и надежный. Чтобы, к примеру, поднять в бадье двух человек, я сажаю в нее пятерых и пытаюсь их поднять; если удалось, то уж двоих-то веревка выдержит. Удивились учителя. Спрашивают, а как, к примеру, изобразить на сцене шум паровоза. А я могу изобразить за сценой что угодно. Ведь до революции в театре и звукоподражателем был. И так, как «озвучить» паровоз? Берешь железный лист и две железные метелки. Пыш-пыш-пыш... Или два кирпича тереть один о другой — вжик-вжик... Хотите дождь? Пожалуйста: в корыто насыпашь горох и перекатываешь его. Ветер тоже просто делается: на барабан прикрепляешь кусок репса и начинаешь вращать его.

— Есть какие-то секреты в вашей профессии?

— Никаких. Любовь к театру — вот главное условие. А не любишь его — толка не будет.

— Вы завидовали когда-нибудь витеграм, хотелось выступить на сцене?

— А я и выступал. Статистом. Аларду дадут или мушкет какой-нибудь. Недавно сыграл роль сеяльщика в одной пьесе; дали мне мешок вроде бы с семенами, и я разбрасывал их по сцене.

— Есть у вас любимые спектакли?

— А как же! «Лес», «Враги», «Гроза», «Разбойники», «Оптимистическая трагедия», «Разлом». Кстати, макет моей декорации к «Разлому», говорят, хранится в Москве, в Бахрушинском музее.

Алексей Иванович из скромности не упомянул о «Дон Карлосе». Этот спектакль дважды исполнялся в его честь — на 50-летие и 75-летие его работы в театре. Эти театральные праздники так и назывались: «Бенефис машиниста сцены Алексея Ивановича Пудовкина».

Борис САДЕКОВ, спец. корр. «Неделя».

АСТРАХАНЬ — МОСКВА.

НА СНИМКЕ: Алексей Иванович Пудовкин на сцене.

Фото Г. Гародничева.